

УДК 11+165.6

<https://doi.org/10.36906/KSP-2022/43>

Думинская М.В.

ORCID: 0000-0001-7530-383X, д-р филос. наук

Ескина С.А.

ORCID: 0000-0001-7937-6331

Сургутский государственный педагогический университет

г. Сургут, Россия

ФЕНОМЕН РЕФЛЕКСИИ КАК СПОСОБ БЫТИЙСТВУЮЩЕГО МЫШЛЕНИЯ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ЭПОХУ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Аннотация. В работе рассматривается феномен рефлексии как способ самобытийности (мыследействия) через осмысление и переосмысление реального и непостижимого. Раскрывается специфика апофатической рефлексии и характер её проявления в отношении к проектированию бытия человека. Осуществляется попытка представить апофатическую рефлексия в качестве новой стратегии гуманитарного мышления.

Ключевые слова: рефлексия; феномен рефлексии; бытийствующее мышление; постнеклассическая рациональность; онтология; гносеология.

Duminskaya M.V.

ORCID: 0000-0001-7530-383X, Ph.D.

Eskina S.A.

ORCID: 0000-0001-7937-6331

Surgut State Pedagogical University

Surgut, Russia

THE PHENOMENON OF REFLEXY AS A FORM OF EXISTING THINKING AND ITS SIGNIFICANCE IN THE ERA OF POST-NON-CLASSIC RATIONALE

Abstract. The paper considers the phenomenon of reflection as a way of self-existence (thought action) through comprehension and rethinking of the real and incomprehensible. The specifics of apophatic reflection and the nature of its manifestation in relation to the design of human existence are revealed. An attempt is being made to present apophatic reflection as a new strategy for humanitarian thinking.

Keywords: reflection; the phenomenon of reflection; existential thinking; post-nonclassical rationality; ontology; epistemology.

Эпоха постнеклассической рациональности характеризуется фрагментарностью, утратой онтологической целостности мира и человека, отказом в признании предельных (метафизических) оснований построения единой картины мира, обеспечивающих системное единство и смысл его различных областей. Между тем данное обстоятельство все более актуализирует потребность человека в возврате к утраченной целостности. Актуализируются экзистенциальные вопросы, связанные с поиском путей восстановления смысловой связи между миром и человеком, обретением смысла человеческого существования.

Важную роль в решении этого вопроса играет осмысление феномена понимания в истории развития философской мысли как способа раскрытия смыслов бытия. Исследование проблемы понимания неразрывно связано с осмыслением феномена рефлексии, определение ее специфики и роли в структуре мышления. Представляется важным проследить в данной работе эту взаимосвязь и трансформации, которые характерны для современного этапа познания.

Характерным для классической гносеологической линии рассмотрения являлось противопоставление познающего субъекта и объекта. Объектом познания выступает сама реальность, изначально наделенная смыслом. Реальность не зависит от самого познающего субъекта. Исходная познавательная установка ориентирует на раскрытие смысла как отражения реальности на основе получения о ней объективной информации. Смысл заключен в содержании полученного знания о существующей фактичности.

В гносеологическом аспекте в рамках традиции классической рациональности рефлексия выступает как принцип мышления, открывающий путь к самопознанию, к осмыслению содержания и результатов познавательной деятельности. Так, согласно Ф. Бэкону научное знание требует критического осмысления и обоснования в силу ограниченности познавательных возможностей субъекта. Это требование осуществляется посредством рефлексии как критическом рассмотрении познания и преодоления различного рода заблуждений [4]. В свою очередь, Р. Декарт вводит в философию понятие рефлексии. Подчеркивая автономный характер рефлексии, основатель рационализма определяет ее как «второе восприятие» того, что не ощущалось ранее, но относящееся к разуму. Рефлексия рассматривается как способ организации знания, направленный на поиск его оснований, методов получения достоверного знания. Декарт указывает на значимость рефлексивной процедуры над собственным мышлением [7]. Локк относит рефлексии к внутреннему опыту, который обретает человек в процессе познания. К рефлексивному опыту относятся размышления, связанные с анализом самого себя, своих действий, мыслей переживаний, наблюдений – это «...наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность и способы ее проявления, вследствие чего в разуме возникают идеи этой деятельности» [12].

Немецкая классическая философия И. Канта определила онтологические сдвиги в постижении рефлексии, посредством которой устанавливается связь представлений, принадлежащих к чувственному созерцанию и познавательной силы. Это «осознание отношения данных представлений к различным источникам познания, и только благодаря ей,

отношение их друг к другу может быть правильно определено» [10]. Подразделяя рефлексию на логическую и трансцендентальную, он отмечает, что рефлексия укорена в онтологической структуре «всеобщего субъекта» [11, с. 314].

В философии Г. Гегеля рефлексия также является основной категорией, имеющей особое значение в становлении человека, рассматривается один из его этапов и как движущая сила развития, саморазвертывания духа. Рефлексивное мышление дает ясное представление о способах получения знания, делает возможным осуществление контроля мышления над самим собой, извлечение нового знания. [6, с. 218]. Рефлексия – это инструмент необходимый для постижения бытия; это свет, который «превращается в молнию мысли, ударяющую в самое себя и создающую, исходя отсюда, свой мир» [5].

В философии XX века рационалистическая традиция истолкования феномена понимания сменяется философско-герменевтической позицией. В экзистенциально-онтологическом аспекте проблема понимания раскрывается в феноменологической онтологии М. Хайдеггера, в которой звучит идея об экзистенциальной нагруженности смысла бытия, в которой снимается дихотомия познающего субъекта и объекта познания. Перед субъектом ставятся иные задачи – постановка и решение вопроса о бытии. В экзистенциальной аналитике вопрошание становится бытийственным актом, направленным на воссоздание смысла – «бытийствующее понимание». Рефлексия трактуется как «вслушивание», «внимание» к истине бытия человека, проявляющего заботу о собственном бытии [15]. Хайдеггер обосновывает взаимосвязь субъектности, предмета и рефлексии, отмечая, что «... существо предметности как таковой обнаруживается только там, где существо мышления познается и на собственном смысле осуществляется «я мыслю нечто», то есть как рефлексия» [14].

В философских представлениях М.М. Бахтина субъект не является основанием знания, Человек рассматривается как конкретный, уникальный, нравственный субъект, ответственно поступающий в акте мысли как «событии бытия». При этом в основе акта-поступка субъекта происходит разрыв между знанием и смыслом. Истина открывается не рационально, а диалогически (онтологически) посредством понимания-принятия Другого [3].

М.К. Мамардашвили, продолжая развитие идеи о самоутверждении нравственного субъекта в акте-поступке, определяет это событие как акт постоянно воспроизводимого «мыследействия», мысли-поступка, который рассматривается моментом философской практики. Актуализация мыследействия постоянно воспроизводит новое знание, созидующее многообразие возможных представлений о реальности. Как пишет Мамардашвили, философия «есть способность отдать самому себе отчет в очевидности» [13].

Рефлексия в данном случае производится с опорой на признание ограниченности знания, т. е. незнание и полагание возможности расширить возможности постижения в акте веры. В силу этого рефлексия приобретает апофатический характер. «Апофатическая рефлексия» рассматривается как способ отрицательного мышления, ориентированный на восхождение к Безусловному через стремление постигнуть сокровытое, Непостижимое. Познание реальности отдаляет субъекта от главной задачи – восхождения к Абсолютному [1, с. 210].

Как отмечает Е.В. Бакеева, рефлексивная установка апофатической рефлексии «предполагает наличие двух «полюсов», первоначально структурирующих мысль и обозначаемых в исследовании как «знание» и «вера». «Знание» (как «знание о сущем», всегда позитивное и содержательно нагруженное) противопоставляется здесь сугубо формальному «полюсу» «веры» – как чистому движению к Иному» [2, с. 18].

Эта рефлексивная стратегия направлена на «постижение Непостижимого» и осуществляется посредством последовательного освобождения от «знания о сущем», помещая его в область иллюзорного, фантомного, в конечном счете – бессмысленного [2, с. 18]. Восхождение к Безусловному связывается в рамках этой стратегии с непременным отречением от «мира» как сферы сущего, а, следовательно, и с отказом от его осмысления как того, что изначально лишено «чистого» смысла. Представляется, что черты апофатической рефлексии усматриваются и в философии И. Канта, когда речь идет об абсолютной и безусловной области вещей, недоступной для познания, но тем не менее мыслимых, о самой возможности мыслить Безусловное. То есть то, что расположено за границей знания, оказывается в фокусе внимания апофатической рефлексии. В этом проявляется парадоксальность объекта рефлексии – мыслить немислимое [10].

Апофатическая рефлексия в представлении Е.В. Бакеевой определяется как стратегия отрицательного мышления, которая «... нацелена на установление связи между знанием о «мире» и его вневременным «источником» или «основанием», обеспечивая тем самым возможность его понимания (о-смысления) мира» [2, с. 20]. При этом субъект стремится преодолеть эту границу непознанности, приблизиться к постижению смысла запредельной для познания сферы Бытия.

Осуществление такого рода рефлексии требует «неметафизической» точки отсчета. Само мышледействие выступает основой возможности движения к целостному знанию. И в каждом таком рефлексивном акте-действии осуществляется выход к границе еще-непостижимого, в отношении которого невозможен общезначимый смысл. Незавершенность как свойство апофатической рефлексии указывает на то, что воспроизводимое знание не может быть представлено в качестве объективированного теоретического построения, предлагающего описание мира, явленном в полноте заключенного в нем смысла. Напротив, это знание указывает на его относительность, неполноту, что обуславливает необходимость повторного воспроизведения чистого мыслительного действия.

Посредством апофатической рефлексии происходит переосмысление имеющегося знания в свете Безусловного. Уже некогда определенным образом познанное открывается в новом измерении, в ином смысле, который требует постоянного обновления в акте рефлексии как онтологическом измерении понимания.

Апофатически-рефлексивный способ бытия рассматривается как способ трансцендирования в сферу непознаваемой природы Бытия, предполагающий непрерывное пересоздание мира и самого себя. Рефлексия укорена в сущностную структуру человеческого бытия, является способом его качественного преобразования, трансцендирования как

экзистенциального субъекта [9, с. 20]. Это способ постижения и преобразования себя и мира через рождение «Я» как рефлексивного субъекта, восходящего и осуществляющегося себя в непрерывной мыследеятельности. При этом смысл бытия, являемый в конкретном событии мыследействии имеет актуальное значение только в моменте своего рождения, т. е. ограничен рамками свершенной ситуации.

Так с позиции осуществления рефлексивного отношения к миру и самому себе феномен понимания предстает как незавершенный, непрерывный процесс рефлексирования, в котором происходит создание новых контекстов переосмысления знания, что приводит к порождению новых возможных миров.

В эпоху развития нового (постнеклассического) мышления происходит актуализация рефлексивной способности субъекта не только как операциональной составляющей научного познания, но и как акта бытия-понимания, реализующего способ онтологического самоосуществления личности.

Развитие современной философии характеризуют тенденции реализации опыта апофатической рефлексии. Философская рефлексия не исчерпывается в конкретном философском тексте как продукте, содержащем какой-либо готовый, объективированный смысл, а указывает на свершение субъектом-творцом события бытия-понимания и возможность рождения нового философского взгляда, концепта, системы в пространстве актуального философствования, наполненного множественностью, казалось бы, несводимых друг к другу миров-пониманий.

В частности, апофатическая рефлексия как способ бытия-понимания проявляется в синергетической парадигме, а именно в свойстве нелинейности мышления, предполагающим реализацию одного пути из множества возможных. Субъект мышления одновременно находится внутри пространства этой множественности, осознает уникальность своего собственного мира и онтологическую связь со всеми возможными мирами.

В основе модальной онтологии разворачивание апофатической рефлексии, обуславливает возможность отражения многообразия модусов бытийных отношений как полноту мира. «Модальный анализ отличается от формального философствования тем, что не описывает и не моделирует объект в заранее заданной трактовке, а является сменой готовностей понимания и освещения объекта в разных ракурсах при сохранении полноты и универсальности, что позволяет обнаруживать объект в многообразии его модусов и вместе с этим выходить из режима их различения» [8, с. 129]. При этом позиция рефлексивного субъекта приобретает специфику. Во-первых, он располагает на границе между различными методологией, теорий, систем, научных дисциплин. Во-вторых, в данной позиции наблюдателя ему открывается видение объекта как действительного (данного уже в конкретном объективном знании), так и в модусе непознаваемого, открываемого в перспективе возможностного видения.

Следует отметить, что в основе понимания термина «возможностное» лежит трактовка М. Н. Эпштейна, которое обозначает определенную модальность осмысления, описания,

видения объекта, который рассматривается в потенциальности, это трудноуловимый модус бытия, который имеет бесконечное множество воплощений [16].

«Осмысление объекта в модальности возможного позволяет охватить больший бытийственный спектр изменчивости, неопределенности, нелинейности, что открывает новые возможности для достижения полноты описания, смыслообразования (эти идеи получают развитие в конститутивной, феноменологической онтологии)» [8, с. 132]. Конституирование «возможностных» миров как онтологических картин видения может производиться на основе различных подходов (феноменологического, герменевтического, аксиологического, психологического, синергетического и т. д.). В результате «возможностное» меняет сам статус постижения, не позволяя процессу рефлексии замыкаться на заданном объекте и конкретном способе его осмысления. Выход в сферу возможностного – это выход в растущую потенциальность, расширение области мыслимого, допущение альтернативных картин видения. Интерпретация понятия «видение» производится на основе феноменологической традиции проблемы понимания. Под «видением» понимается стремление мысленным взором проникнуть за границы сущего (в область непостижимого) с целью феноменологического описания открывшегося и раскрытию его смысла в различных перспективных проекциях в рамках данного события. В результате «видение» позволяет «воссоздавать не застывшие теоретические конструкции, а потенциально предполагающие раздвижение своих границ; выступает основанием для экзистенциально-онтологического понимания мира как особого бытия, которое открывается в многообразии проекций видения, мыслимого в его целостности [8, с. 133].

Полагаем, что установка на «возможностное видение» в осуществлении рефлексии позволяет выйти на уровень онтопроектирования, становится инструментом для конституирования путей развертывания бытия человека в модальности возможного, а не только в модальности сущего и должного. Это нацеливает на получение новых теоретико-познавательных результатов и открытию новых онтологических перспектив в развитии гуманитарного познания.

Таким образом, понимание-бытие в контексте онтологического рассмотрения предстает в качестве способа самобытийствования (мыследействия), направленного на осмысление и переосмысление реального как непостижимого, открытого в модальности своих возможных постижений, которым еще предстоит свершиться в дискретных рефлексивных актах как событий бытия. Это способ экспликации и описания исходного опыта переводит объективный характер отношения мыследействующего субъекта со своим миром, Другим, самим собой из гносеологического плана в экзистенциальный. Апофатическая рефлексия как способ осуществления «возможностного видения» имеет отношение к проектированию бытия человека и является отражением новой стратегии гуманитарного мышления в эпоху постнеклассической рациональности.

Литература

1. Ахутин А.В. Тяжба о бытии. М., 1997. 304 с.
2. Бакеева Е.В. Понимание как воссоздание смысла бытия: апофатический путь : автореф... дис. д-ра. филос. наук. Екатеринбург, 2005. 38 с.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Книга, 1991. 446 с.
4. Бэкон Ф. Опыты и наставления нравственные и политические // Сочинения. В 2 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 239 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. СПб.: Наука, 1994. Кн. 1. 146 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 3. Философия духа. М.: Мысль, 1977. 471 с.
7. Декарт Р. Беседа с Бирманом // Сочинения. В 2 т. М.: Мыслб, 1994. Т. 2. 565 с.
8. Думинская М.В. Свершение как модальный объект исследования: перспективы построения картин возможностного видения целого // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований: Мат-лы II Международной научно-практической конференции, (г. Саратов, 10 августа 2020 г.). Саратов, 2020. С. 125-137.
9. Думинская М.В. Феномен рефлексии в контексте онтологического рассмотрения // Общество: философия, история, культура. 2020. № 9 (77). С. 17-23.
10. Кант И. Критика способности суждения // Сочинения. В 8-ми т. М. ЧОРО, 1994. Т. 5. 250 с.
11. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения. В 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 799 с.
12. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения. В 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. 155 с.
13. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс: Культура, 1992. 128 с.
14. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 184 с.
15. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб., 2001. 446 с.
16. Эпштейн М. Н. Философия возможного. СПб., 2001. 334 с.

© Думинская М.В., Ескина С.А., 2022